

МОЛОДОСТЬ ИВАНА ИЛЬИНА

КОНСТАНТИН КРЫЛОВ

*Русский философ, публицист, журналист,
общественный и политический деятель*

1

Сложившаяся традиция понимания Ильина, увы, довольно кривая. Состоящая в том, что Ильин — это консервативный мыслитель в самом что ни на есть плохом смысле этого слова. Комический «реакционер» и «монархист» с жабым ртом, сведённым от ненависти ко всему современному и прогрессивному, антиевропеец, занятый непрерывным обличением богомерзкого загнивающего Запада, а также проповедью «русской идеи», заключающейся в том, чтобы народ не смел бунтовать против богоданного начальства и гнул спину перед «попами».

Правда, для того, чтобы так смотреть на Ильина, надо его не читать совсем — или прочитать две-три не самые лучшие заметки из белоэмигрантских газет.

У тех же, кто Ильина всё-таки читал, есть своя претензия к Ивану Александровичу, на первый взгляд более основательная. Звучит она обычно так: ну, читал я этого Ильина. Не то чтобы ужас-ужас, есть и здравые мысли. Но и не орёл. «Нормальный философ второго ряда». Которым можно и нужно пренебречь ради штудирования настоящих, глубоких мыслителей. Зачем читать Ильина, читайте Гегеля. Или сразу Хайдеггера. Или Карла Раймунда Поппера. Или Латынину, Жванецкого и братьев Стругацких, которые —

уж точно настоящие мыслители, ставящие Настоящие Глубокие Проблемы.

Что же представляет собой Ильин со своей философией на самом деле? И — не откладывая на потом — а чем он интересен сейчас?

Для корректного ответа на этот вопрос стоило бы написать монографию страниц хотя бы на сто. Однако у меня нет ни времени, ни желания писать монографию по Ильину, а у вас, дорогие читатели — её читать. Поэтому я попытаюсь показать, как Ильин стал тем, кем он стал. То есть обращусь

ко времени его становления как философа, и попытаюсь хоть что-то показать.

ИЛЬИН ИНТЕРЕСЕН И ДОРОГ НАМ ХОТЯ БЫ ТЕМ, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ОБРАЗЧИКОМ НОРМЫ

2

Начнём, пожалуй, с темы «нормального философа». Что это такое? И шире — что такое «нормальный интеллектурал»?

Сейчас об этом судить труднее, чем век или два века назад. Потому что тогда это было ясно. Включая то, как он должен жить, чем заниматься, какие ему пристали вкусы и убеждения, и так далее.

Начнём с самой что ни на есть банальщины: интеллектурал — человек образованный и культурный. Очень желательно ещё и вырасти в среде образованных и культурных людей. Самородок из деревни может стать великим человеком,

Павел
Новгородцев

как Ломоносов — но определённые проблемы («ломоносовские», скажем так) у него, скорее всего, будут. То же самое можно сказать и о недоучившемся студенте — хотя проблемы у него будут другие. В первом случае мы часто сталкиваемся с «чудинкой» и «недоотёсанностью», во втором — с легкомыслием, легко переходящим в интеллектуальную недобросовестность и даже нечистоплотность. Я уделяю столько внимания таким моментам потому, что речь идёт о периоде формирования, а он критически важен.

Далее, крайне желательно иметь учителя. Человека, который возьмёт на себя ответственность за интеллектуальное развитие молодого дарования.

Что касается интеллектуала сформировавшегося, то здесь возникает проблема среды. По идее, интеллектуал должен интенсивно общаться с двумя категориями людей — во-первых, с равными себе по уровню, и, во-вторых, с теми, кто искренне стремится стать таковыми. Поэтому идеальное место работы для него — кафедра, желательно университетская. Идеальный круг общения — коллеги (в том числе оппоненты)

и ученики. Заманчиво и многобонусно, но небезопасно общение с политиками и чиновниками. Хотя, разумеется, участие в политической жизни в свободной (или относительно свободной) стране — прямое или косвенное — в высшей степени уместно.

Интеллектуал не всегда благополучен, но некоторые виды неблагополучия ему категорически противопоказаны. Он может жить скромно, но не в тяжёлой нищете. У него должен быть доступ к книгам и общению с коллегами. Он может жить и даже работать в стране с авторитарным режимом, где есть проблемы со свободой слова — но не в ситуации полного запрета на профессию, например. Он может очень сильно ошибаться в политическом выборе — например, сотрудничать с той стороной, которая окажется проигравшей, обвинённой в жутких грехах, и даже действительно в них виновной. Но вот сознательное и добровольное сотрудничество с очевидным злом для него, как правило, губительно.

Так вот. Ильин интересен и дорог хотя бы тем, что является образчиком нормы. Как сказали бы в ту эпоху — достохвальным примером умственного и нравственного здоровья.

3

Начнем с происхождения. Дед философа, Иван Иванович Ильин, был военным — то есть военным интеллигентом. Последнее место его службы — комендант Большого Кремлёвского Дворца.

Отец Ильина родился в Кремле. Был он присяжным поверенным Округа Московской судебной палаты. Также был он гласным (то есть депутатом) Пронского уездного земского собрания. И Иван Александрович, выросший в семье гласного, знал обывденную сторону самоуправления. В дальнейшем он с горечью писал о том, насколько быстрым и успешным было развитие представительных учреждений, и как бы свободно и счастливо жил русский народ, если бы не катастрофа семнадцатого года.

Что касается матери, то Каролина Луиза Швейкер (в православном крещении — Екатерина Юльевна) была из старого немецкого рода, её отец — дипломированный врач — завершил он карьеру врачом Императорского Вдовьего Дома Московского Опекунского Совета. Дочь его, видимо, получила образование домашнее, но по тем временам более чем достаточное.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ В ТРЕТЬЕМ ТОМЕ СВОИХ МЕМУАРОВ... ПОИМЕНОВАЛ ЕГО «ЧЕРНОСОТЕНЦЕМ» И ПРИПИСАЛ БЕССМЫСЛЕННУЮ И ИНСТИНКТИВНУЮ НЕНАВИСТЬ К СЕБЕ ЛЮБИМОМУ

Павел Иванович Новгородцев (1866 – 1924) – русский юрист-правовед, философ, теоретик социального либерализма и крупный общественный деятель. Основные труды: «Введение в философию права» (1904), «Об общественном идеале» (1917), «Демократия на распутье» (1923). Являлся сторонником идеи правового государства, боролся с позитивистскими трактовками права, обосновывал подчиненность государства праву. С 1904 года – член совета Союза Освобождения, с 1905 года – член кадетской партии. Депутат I Государственной Думы от Екатеринбургской губернии. С 1920 г. в эмиграции.

Такова была семья, в которой – 28 марта 1883 года, в Москве, на Плющихе – родился Иван Александрович Ильин.

Ильину довольно часто поминают немецкое происхождение. А сложности происхождения были весьма значимы для интеллектуалов «из русских». Некоторых «западное» происхождение подстрекало на довольно-таки презрительное отношение к русским – как, например, блестящего Густава Шпета. Некоторых, напротив, то же самое толкало к излишне бурному отрицанию «европейских начал», скажем, как у столь же блестящего Владимира Эрна. У Ильина ни того, ни другого не было. Он использовал все преимущества родства с немецким народом, начиная с «родного» для него немецкого языка и кончая внутренним пониманием немецкой психологии. Он прожил немалую (и не худшую) часть жизни в Германии – и до революции, и после. Имея все основания быть разочарованным и обиженным на эту страну, он никогда не позволял себе судить её строже, чем должно.

При всём при том, он и в коей мере не считал себя немцем. Он был русским. И более того, убеждённым русским националистом. Русское и Россия для него были – «я», а немецкое и Германия – «моё».

Но это было потом. Сначала же юный Ильин закончил знаменитую Первую классическую гимназию – с золотой медалью. И поступил на юрфак Московского Университета.

4

Учителем Ильина был профессор Новгородцев, юрист-правовед и философ, сторонник естественно-правовых воззрений. Его сочинение (к сожалению, неоконченное) «Об общественном идеале» интересно и сейчас. При всём том он был либералом и кадетом. Так что если Ильину во время учёбы и внушали какие-то идеи, то образцово-прогрессивные.

Отношения были полуформальные. Учитель, безусловно, симпатизировал ученику и руководил его развитием, но без лишней *intimité*.

То, что учился Ильин блестяще, ясно само собой. Брал он, правда, в основном трудом. «Дуно-

вание вдохновения» его если и посещало, то редко, он был, скорее, «в поте пишущим».

Во время революции пятого-шестого годов молодой студент был, безусловно, на стороне революции. Однако Ильин был хорошим студентом, ему хотелось образовываться, а не бузить. Своих дружков-революционщиков, если они у него и были, он потерял где-то по дороге.

В 1906 году Ильин, получив диплом первой степени, остаётся при университете и начинает преподавать. При этом он успевает жениться на выпускнице Высших Женских курсов Наталии Николаевне Вокач, племяннице кадета Муромцева, председателя I-й Думы (и вообще интересного человека), а также родственнице известной Евгении Герцык. Предупреждая дальнейшее: это был первый и единственный брак философа, продлившийся всю жизнь. К сожалению, бездетный.

Вернёмся, однако, к философии. Первая же его самостоятельная работа (октябрь 1903 года, об идеальном государстве Платона) показала всем, что это за человек. Рукопись занимала почти девяносто страниц мелким почерком. Дальше фонтан забил со страшной силой. «Учение Канта о “вещи в себе” в теории познания» содержало 307 страниц, «Учение Фихте Старшего о самосознании. Предпосылки и аспекты гносеологии первого периода. Опыт дифференциации» – 324. При этом Ильин проштудировал (на немецком, разумеется) все основные сочинения Фихте. По ходу дела представив ещё несколько сочинений – среди которых стоит отметить «Идею общей воли у Жан-Жака Руссо» и «Метафизические основы учения Аристотеля о *doulos fysei* [рабе по природе]». Он приступает к объёмистому «Учению Шеллинга об Абсолютном» (магистерская, июль 1907 – март 1908). Потом была «Идея абстрактного в теории познания Гегеля» (1909). Всё это, кажется, до сих пор не опубликовано.

В 1909 году Ильин сдаёт магистерский экзамен, получает приват-доцента и отправляется – вместе с супругой – в Европу на стажировку (с января 1911 по май 1912). В Германии он побывал в Гейдельберге и Фрайбурге. В Гёттингене он слушает Гуссерля. Он посещает семинары

Война Россіи съ нѣмцами. День объявленія войны.

Площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ въ Петроградѣ 20 Іюля 1914 г. въ день обнародованія Манифеста о войнѣ объявленной намъ нѣмцами, когда Государь выйдя на балконъ, восторженно приветствуемъй народъ.

домъ обратиться къ нему съ призывомъ постоять съ Нимъ за Россію, защитить своей грудью ея честь и достоинство и дать могучій отпоръ дерзкимъ врагамъ.

Зиммеля. По некоторым свидетельствам, тогда же он знакомится с Зигмундом Фрѣйдом и его учением. Не думаю, что оно ему понравилось.

В 1911 году выходит его труд «Идея личности в учении Штирнера. Опыт поистории индивидуализма», а на немецком готовятся к печати «Понятия права и силы». Тогда же он пишет свой первый более-менее самостоятельный труд — большую статью «О любезности». Над ней он работает долго, пытаясь если не прыгнуть выше головы (прыгать он не умел), то подняться на новый уровень. Статью он пересылает в «Русскую мысль» Петру Бернгардовичу Струве, марксисту, автору «Открытого письма Николаю II» и первого «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии», в дальнейшем члену ЦК кадетской партии, ну и вообще интересному человеку.

В 1913 году он вместе с молодой женой снял двухкомнатную квартирку в доходном доме на Крестовоздвиженском переулке (д. 2 кв. 36 — сейчас там Министерство обороны). Молодые отказались от родительской помощи. Жили крайне скромно, своими трудами — в основном переводами и издательской деятельностью. Кроме того, Иван Александрович преподаёт — где только может устроиться. Особо популярен он на Высших Женских Курсах.

В Университете он ведёт курс «Введение в философию права». И — как он сообщал Георгию Адольфовичу Леману-Абрикосову — держит в руке козырной туз: рукопись книги о Гегеле.

5

Надеюсь, читатели уже поняли, что Ильин прекрасно ориентировался не только в классической, но и самой что ни на есть современной для того времени философской мысли. Но свое внимание он остановил на Гегеле. В дальнейшем Ильин от Гегеля пытался отойти, но «думать иначе» так и не научился — хотя научился думать проще и вульгарнее.

Никакого консерватизма и уж тем более реакционности в тот период за ним не замечалось. По сути, Ильин был кадетом, и даже не особенно правым. И, конечно, никакого «монархизма» и прочих не принятых в его окружении воззрений он не разделял.

Пожалуй, некий консерватизм у него можно было заметить в двух сферах. Во-первых, Ильин был православным, и богоискательством-богостроительством, равно как и прочими такими вещами, не занимался. И во-вторых (хотя на самом деле именно во-первых), он был консерватором

эстетическим. Ильин не переносил «декаданса», причём ни в какой форме и не под каким видом. Исключения он делал только для личных друзей (например, для братьев Метнеров). Но всё то, что сейчас считается визитной карточкой Серебряного Века, он просто не переваривал.

Главным достоинством его трудов была убеждающая сила. При этом литературные достоинства его текстов, откровенно говоря, очень скромны. Чаровать и завораживать читателя он не умел — а может, и не хотел. Зато каждый тезис забивался в грунт как свая. В дальнейшем, когда Ильин освоил политическую риторику и публицистику, он этой манеры не оставил, но перешёл со свай на гвозди. С другой стороны, там, где квадратно-гвоздевой метод не работал, Иван Александрович оказывался беспомощен. Его религиозный или общественный пафос обычно оказывался, как бы это сказать, морально устаревшим по форме.

При этом его полемический темперамент зашкаливал за всё мыслимое. Ильин впадал в настоящий раж, сталкиваясь с возражениями.

6

«Выход в свет» у Ильина состоялся в 1912 году, благодаря активной преподавательской деятельности. В первую очередь, в Коммерческом институте.

Пристроил Ильина туда его учитель Павел Иванович Новгородцев, с которым Ильин успел по жизни познакомиться — в основном из-за того, что тот уговаривал ученика бросить занятия Гегелем. Однако их свели заново. Сделал это некий Сергей Андреевич Котляревский — историк, правовед, писатель, один из учредителей кадетской партии, депутат I Думы (с 1906, купно с самим М.М. Ковалевским), а также интересный человек.

В это время к Ильину стали присматриваться интересные люди и публика.

Оратором Ильин был не столь уж и блестящим. Он читал речи по заранее написанному тексту. Однако его лекции были понятны даже не особо даровитым слушателям.

Одна лекция Ильина, от которой что-то оставалось в голове, стоила десятка лекций какого-нибудь симпатичного профессора, весельчака и острошлова, от которых в голове не оставалось ничего. Так что к Ивану Александровичу слушатели ломались — на лекции в Коммерческом ходили сотни студентов. Сам Ильин приводит цифры: 1200 человек нормально, 900 к концу семестра. Это был успех.

Одновременно он был замечен и людьми поинтереснее. Его начали пускать, а потом и звать во всякие «кружки», а то и «круги». Там, правда, скверные свойства натуры Ильина вылезли на поверхность, обеспечив ему немало врагов.

Ильин относился к тому типу людей, которые принципиально не отделяют идейные и художественные воззрения человека от самого человека. С его точки зрения, тот, кто имеет скверные вкусы и скверные убеждения, сам сквернавец — и наоборот.

В высшей степени характерная в этом смысле история произошла у него с Андреем Белым. Помимо своего декадентства Белый заслужил крайнее неодобрение Ильина ещё и как поклонник мистика Рудольфа Штейнера, основателя «антропософии». Но последней каплей стало то, что Белый задел его друга Метнера — который в своей книге о Гёте задел антропософию, на что Белый обиделся крайне и в собственном своём сочинении «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении

современности» на Метнера «наехал». Это привело к разрыву отношений.

Ильин, принципиально не признававший бытовой мудрости «двое в драку — третий неуместен», ввязался в это дело, распространив «открытое письмо Андрею Белому», написанное в крайне агрессивном тоне. Он дошёл в своих угрозах до того, что пообещал Белому при встрече не поклониться

и не подать руки — наказание страшнейшее для возмнившего о себе декадента.

В упадочной среде нравы были пожесточе: тот же Белый вызывал на дуэль Блока, Гумилёв с Волошиным взаправду стрелялись, а уж сколько было сведено счетов чисто литературными средствами — не сосчитать. Белый тоже прибег к этому приёму: в третьем томе своих мемуаров (крайне субъективных, чтобы не сказать резче), он упомянул эту историю с Ильиным. Естественно, он поименовал его «черносотенцем» и приписал бессмысленную и инстинктивную ненависть к себе любимому. Ильин тоже всю жизнь высказывался о Белом нелюбезно — но об этом не будем.

Другая история того же свойства произошла у Ильина с его коллегой по философскому цеху Владимиром Францевичем Эрном, каковому Иван Александрович устроил публичный разнос за статью — ныне знаменитую — «От Канта к Круппу».

ФЕВРАЛЬ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВСТРЕТИЛ РОВНО ТАК ЖЕ, КАК И ВСЕ ПРОГРЕССИВНЫЕ ЛЮДИ ТОГО ВРЕМЕНИ – ТО ЕСТЬ, КАК МИНИМУМ, С ОДОБРЕНИЕМ

В письме от 19 февраля 1915 г., адресованном Любови Гуревич, Ильин описывает события таким образом: «...я обратился с вызовом к Эрну: “Кант и Крупп” должны быть публично обсуждены... 29 января состоялась грандиозная дезинфекция. Эрн читал доклад о феноменализме, проблема теории познания разбиралась им так: субъект=мужчина; объект=женщина; знание есть соитие между мужчиной и женщиной; это соитие может совершаться различными способами: нормальными и извращенными; теория познания есть “половая онтология”; Кант был евнух и вел флирт с Богом etc. Я говорил 1 1/2 часа; я никогда еще никого так не разоблачал, я перервал ему глотку. Когда я кончил и ушел, то у некоторых было впечатление, что от Эрна остался один труп; в эту ночь в нескольких домах (из публики) совсем не ложились спать. А я вернулся домой больной телом и душой; теперь будут бояться».

Нетрудно представить себе эту сцену: после полуторачасового говорения «с вдалбливанием» не только от Эрна остался бы «труп». Разумеется, и значение своего успеха Ильин безбожно переоценил.

Что касается политической — точнее, околополитической — деятельности Ильина. Попав в кадетское окружение, Ильин просто не мог не разделять соответствующие воззрения. Однако

старшие товарищи, видимо, решили, что к организационной деятельности молодой человек не способен, не вполне контролируем и не политичен в смысле умения творить интригу. К тому же он был неинтересным человеком и меняться не то что не собирался, а даже не понимал, «как это можно». В партию он тоже не вступил, хотя двери были открыты... Однако разбрасываться кадрами в преддверии грядущих событий было бы ошибкой — даже если кадр не любил Андрея Белого.

Разумеется, тут начинаются догадки. Тем не менее, ощущение, что Ильин с какого-то момента попал в некий круг невидимого внимания — в чём-то доброжелательного, но и ограничивающего, слегка придерживающего — не оставляет нас.

Чувствовал ли он сам нечто подобное? В таких вопросах люди особенно склонны ошибаться. Но, кажется, что-то такое он подозревал. Без паранойи — этого у него не было — но и не сбрасывая со счетов.

7

В четырнадцатом Иван Александрович чуть не попал на фронт. Руководство вуза перевело семинар Ильина в число необязательных. А необязательность курса аннулировала освобождение от службы.

Уже явившись для отбывания воинской повинности к местному начальнику, Ильин узнал от него, что существует — якобы — некий тайный циркуляр военного министерства, согласно которому следует освобождать от воинской повинности всю доцентскую молодежь. «И я своею властью, распространительным толкованием закона освободил и Вас» — закончил этот великодушный человек.

Во время войны Ильин издал несколько брошюр патриотического содержания («Основное нравственное противоречие войны», 1914; «Духовный смысл войны», 1915; «О патриотизме», 1917). Они заставили говорить о себе, но, как говорится, Неву не подожгли.

Сейчас можно спросить — что же это Иван Александрович не отправился лично на германский фронт? Ответ простой: он считал это тратой драгоценного времени. Ему хотелось заниматься тем, что он считал своим делом — философией. Правительство, как явствует из приведённой выше истории, было с этим согласно.

Февраль Иван Александрович встретил ровно так же, как и все прогрессивные люди того времени — то есть, как минимум, с одобрением. Тогда он говорил, что революция что-то там в России «очистила», выражал «надежды» и надеялся на созыв Учредительного собрания.

Однако разочарование не преминуло наступить быстро. Ильин начинает критиковать про-

исходящее в брошюрах, лекциях и частных разговорах. Причём тон его становится всё более скептическим. Достаточно привести названия выпущенных летом 1917 года брошюр: «Партийная программа и максимализм», «О сроке созыва Учредительного собрания», «Порядок или беспорядок?», «Демагогия и провокация», «Почему «не надо продолжать войну»?». А осенью, уже под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России» выходит серия статей, опять же с говорящими заголовками — «Куда идет революционная демократия?», «Отказ г. Керенского», «Чего ждать?», «Кошмар», «Кто они?» и, наконец, «Корень зла». Тенденция очевидна.

В принципе, это можно объяснить самыми банальными причинами. Политика Временного Правительства всё более входила в противоречие с воззрениями Ильина. Более того — самый политический стиль «временных», особенно Керенского и его соратников, был откровенно декадентским, причём в худшем смысле этого слова.

Ведь очень неслучайно певцом Февраля — в буквальном смысле — стал тогдашний эталон красивой пошлости Бальмонт, написавший новый вариант русского гимна в припадке вдохновения сразу после объявления о свершившейся революции.

Ильину всё это понравилось не могло.

Но была ещё и другая сторона — личные отношения. Что тогда происходило меж-

ду Ильиным и февральскими победителями? В доступных мне источниках на эту тему говорится как-то глухо, с выражениями типа «принимал активное участие в общественно-политической жизни страны». Что под этим подразумевать — Бог весть.

Кажется, вершиной публичного политического признания в России была знаменитая речь Ильина на Государственном Собрании в Большом театре.

Дело было при Керенском. Идея состояла в том, чтобы созвать представителей всех политических организаций страны — как «социалистических» (напоминаю, Керенский был «социалист»), так и «буржуазных». Также звали делегатов от земств и городских дум, рабочих и солдат, учёных и кооперативщиков, профсоюзных деятелей, крестьян. Всё мероприятие заранее окрестили «коронацией Керенского».

Открытие совещания состоялось 12 августа в Москве, в здании Большого театра. Чтобы со-

ставить у читателя впечатление об этом мероприятии, приведём лишь одну — зато развёрнутую — цитату, из финальной речи Керенского (цит. по книге В. Федюка «Керенский» из серии ЖЗЛ): «Пусть будет то, что будет. Пусть сердце станет каменным, пусть замрут все струны веры в человека, пусть засохнут все цветы и грезы о человеке, над которыми сегодня с этой кафедры говорили презрительно и их топтали. Так сам затопчу!.. Я брошу далеко ключи от сердца, любящего людей, и буду думать только о государстве».

С галёрки какая-то напуганная тётенька закричала «Не надо!» Учитывая, что на часах было пол-второго ночи, думаю, что нервный смешок пробежал по залу.

В такой обстановке и на таком фоне выступал Ильин. Когда было его выступление, кого он представлял и что конкретно говорил — неизвестно. Однако, по словам Лемана-Абрикосова, там он «стяжал себе славу оратора Божьей милости и, конечно, стал широко известен по составу своих политических воззрений».

С САМОГО НАЧАЛА ИВАН ИЛЬИН ЗАНЯЛ КРАЙНЕ ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ, МОЖНО СКАЗАТЬ, НЕПРИМИРИМУЮ ПОЗИЦИЮ ПО ОТНОШЕНИЮ К БОЛЬШЕВИКАМ

8

Октябрьскую революцию — тогда её, впрочем, считали переворотом — Ильин воспринял без всякого удовольствия.

Надо сказать, что для того времени отвержение большевизма не было столь уж очевидным жестом. Особенно среди интеллигенции. Большая часть профессуры,

что московской, что питерской, заняли позицию, которую можно обозначить как «вежливое недоумение». Многие считали большевизм «незначительным эпизодом» — который, разумеется, сменится чем-то более приличным. Не может же такое неприличие продолжаться долго?

На этом фоне выступления Ильина выглядят прямо-таки пророческими. С самого начала он занял крайне отрицательную, можно сказать, непримиримую позицию по отношению к большевикам. Его первая большая антибольшевистская статья — «Ушедшим победителям» — была опубликована в газете «Русские Ведомости» через три недели после коммунистического путча. Посвящена она была памяти юнкеров, павших в Москве во время схватки с красными бандами. В этой статье он, в частности, писал:

«Россия должна быть свободна от ига и будет свободна от него; от всякого ига; ибо русские предатели не лучше иноземцев и толпа не лучше тирана. Вы поняли это, и вы были правы. Вы, не

колеблясь, поставили чувство собственного достоинства выше жизни; родину — выше класса; право — выше силы; свободу — выше смерти. Вы сумели узнать врага народа, укрывшегося за личиной демократа, и врага России, принявшего облик революционера. Вами двигало чувство национальной чести и верное государственное понимание... В вашем лице русский народ воистину сложил с себя рабское звание и утвердил свою гражданскую свободу».

Сильно сказано. В дальнейшем Ильин никогда не отступал от этой позиции.

Между тем, даже в условиях чекистского террора продолжали работать старые учебные заведения. Ильин продолжал преподавать на юридическом факультете Московского университета, читал лекционные курсы в Коммерческом институте, на Высших Женских курсах, и в Народном университете.

Тут возникает три вопроса. Первый — почему Ильин не эмигрировал? Второй — почему его не убили в числе прочих? И, наконец, третий — принимал ли Ильин какое-то участие в антибольшевистской деятельности, или ограничивался, так сказать, моральной поддержкой белого дела?

На первый вопрос сам Ильин отвечал несколько раз, в разных текстах. Суть его соображений укладывалась в чеканную ахматовскую формулу «я была тогда с моим народом — там, где мой народ, к несчастью, был». Ильин был человеком в высшей степени непоэтичным — так что говорил длиннее, но примерно то же самое. Например, в таких выражениях:

«Было когда-то, до революции, общее здоровье и им мы пользовались на месте, совместно и сообща; пришла общая беда, и ее мы должны принять на месте, совместно с нашим народом и сообща с ним... Пусть наши белые, свергающие, — свергают и свергнут; и те из нас, кто душою безоговорочно с ними, сумеют найти формы тайного содействия им».

О том, каково было «тайное содействие» Ильина антибольшевистским силам, сейчас можно спорить. По некоторым сведениям, Иван Александрович вступил в некие отношения с генералом Алексеевым, одним из организаторов Белого движения на юге России и «беззаветно отдался делу белых». В этом нас заверяет генерал-майор царского Генштаба Алексей Александрович фон Лампе, белогвардеец, один из организаторов «врангелевского» Русского общевоинского союза, впоследствии — член Комитета освобождения народов России (впрочем, также и член православного Свято-Князь-Владимирского братства). Несмотря на участие во власовской аванюре, фон Лампе прославился в основном деятельностью по линии

Красного Креста, а также спасением белых русских от возможной депортации в СССР — что, безусловно, дело благое и даже святое. Заподозрить столь почтенного человека в сознательном искажении фактов было бы неблагоприятно. Правда, с Ильиным в период 1917–1921 годов он никаких отношений не имел: познакомились они в Берлине в 1922 году. Там же они крепко подружились. Некоторые предполагают, что информация о «связях с Алексеевым» исходила от самого Ильина.

Так или иначе, остаётся непонятным, в чём же именно состояла контрреволюционная деятельность Ильина. В этом не смогли разобраться даже чекисты.

История с многочисленными арестами Ильина довольно любопытна и заслуживает отдельного рассмотрения.

Первый раз его схватили 15 апреля 1918 году (ордер 682). Речь шла о получении Ильиным денег от американского инженера и предпринимателя русского происхождения Владимира Бари. Это был просвещённый, культурный и состоятельный человек, сын прославленного русского промышленника Александра Бари.

28 апреля 1918 года газета «Известия» напечатала информацию о разоблачении «контрреволюционного заговора» во главе с Владимиром Бари. В списке заговорщиков упоминали также штабс-капитана Кривошеина В.В., прапорщика Халафова К.М., графиню Ланскую, ну и приват-доцента Ильина. Все они обвинялись в принадлежности к законспирированной контрреволюционной организации Добровольческой Армии. Ильину приписали заведывание её московским отделением и финансирование такового — деньгами, полученными от Бари. Деньги должны были пойти офицерам, направляющимся к Каледину и Корнилову.

Инициировал дело лично Феликс Дзержинский. Вёл его один из ближайших сотрудников, следователь ВЧК Моисей Соломонович Венгеров, человек в каком-то смысле легендарный. Он выделялся даже на фоне тогдашних жирующих чекистов дикими тратами на рестораны и страстью к золотым вещичкам, которые скупал за немалые деньги на аукционах. Как выяснилось в дальнейшем, Венгеров вымогал с Бари (точнее, с его брата и сестры) взятку в 150 тысяч рублей за прекращение дела. Собирался ли он делиться с Феликсом Эдмундовичем — об этом история умалчивает.

Зачем во всей этой чекистской афере был нужен Ильин? Исключительно для того, чтобы получить хоть какие-то подтверждения того факта, что Бари финансировал «белогвардейское подполье». Ильин, однако, держался уверенно, настаивал на своей версии: средства были пожертвованы Бари на издание двухтомника «Философия Гегеля как

учение о конкретности Бога и человека», над которым Ильин работал несколько лет. Однако издатель Леман-Абрикосов (мы уже ранее упоминали этого интересного человека) сделал широкий жест и предложил издать двухтомник бесплатно — так что Ильин деньги вроде как вернул спонсору. Так ли это, установить не представляется возможным. Зная честность Ильина, можно предположить: если всё было именно так, как он рассказывал следствию, то деньги он вернул.

24 апреля 1918 года Ильин покинул стены Бутырки. Правда, Ильин был не отпущен на волю, а отдан на поруки Обществу младших преподавателей Московского Университета. И под подписку о немедленной явке к следователю по первому требованию такового. В дальнейшем он снова будет арестован по тому же делу — 11 августа, а потом и 3 ноября.

В промежутке — конкретно, 18 мая 1918 года — Ильин с блеском защищает магистерскую диссертацию.

Событие это уже обросло легендами. Отдельной темой идёт мужественный поступок его учителя и официального оппонента Павла Ивановича Новгородцева, за которым охотились чекисты (накануне защиты в его квартире был обыск), но который не побоялся прийти на защиту и блистательно провёл дискуссию с соискателем степени.

Павел Иванович действительно пришёл, и, так сказать, благословил ученика — слава Богу, сходя не в гроб, а всего лишь на нелегальное положение. Летом или осенью того же года он объявился в расположении белых армий Юга. Кажется, с Ильиным они больше не встречались.

Следующий арест — всё по тому же делу — имел место 11 августа. В самом деле к этому времени произошли некоторые изменения довольно комичного свойства.

На бумажке об освобождении от 24 апреля стоит подпись Венгерова. Однако в мае Венгерова арестовали. Видимо, Моисей Соломонович таки получил толику малую от семьи Бари и не поделился. Следствие выяснило, что этот прекрасный человек был до революции обычным уголовником, специализирующимся на грабежах. На свободу он вышел по «керенской» амнистии, а в ЧК пристроился под видом политкаторжанина, с поддельными вроде бы документами «на чужое имя». Трудно сказать, знал ли Дзержинский, с кем работает.

Изменилась и судьба самого Бари. Он был выпущен под официальное поручительство американского вице-консула, после чего немедленно скрылся.

Самого Ильина на сей раз его, по некоторым данным, выпустили уже 17 числа того же месяца. Во всяком случае, в двадцатых числах он уже вёл занятия.

Вот этот второй арест был, пожалуй, самым интересным моментом в данной эпопее.

24 августа В.И. Ленин получает личное письмо от некоего Алексея Ивановича Яковлева. Он известен нам как советский и российский историк, ученик Ключевского, автор фундаментального исследования о холопстве и холопах в Московском государстве в XVII веке. В 1905 году в Швейцарии он познакомился с политэмигрантом Лениным. Отец Яковлева, известный чувашский просветитель, был другом отца Ильича, так что знакомство лишь подкрепило старую семейную связь.

Самое интересное, что Ленин нашёл время и с Яковлевым встретился. О чём они там говорили — доподлинно неизвестно. Но именно с этого момента у Ленина возникает некое личное отношение к Ильину. Отношение, которое нельзя назвать положительным, но можно назвать выгодным — для Ивана Александровича, конечно.

Меж тем чекисты не успокаиваются. 3 ноября Ильин снова арестован. Однако незадолго до суда Ильина отпускают — и опять под поручительство.

19 декабря Ильину приходит повестка — явиться на заседание Ревтрибунала.

Заседание обвинило скрывшегося Бари в контрреволюции и приговорило к полной гибели: «Расстрелять Бари должен всякий, встретивший его на земном шаре гражданин, кому дорого освобождение человечества».

Что касается Ильина, то его участь была счастливее. Трибунал постановил —

«Признать участие граж. Ильина в контрреволюционной организации не доказанным, объяснения его об отношении с Бари и Ланской заслуживающими доверия, а самого его для революции не опасным. Дело об Ильине в порядке постановления VI Съезда Советов об амнистии прекратить навсегда».

Судя по всему, здесь имело быть личное вмешательство Ленина. Судя по всему, Ильич — известный своей злобностью — относился к Ильину почти с нежностью.

Сам Ильин о таком отношении к себе знал и честно недоумевал. «Что я ему? Чего это он?» — пытался добиться он у знакомых, рассказывавших о том, как Ленин рассердился, узнав об очередном аресте Ильина. На это ему сказали, что Ленин впечатлён его трудом о Гегеле.

Печатается в сокращении.

Полный текст и продолжение биографического цикла «Жизнь Ивана Ильина» Константина Крылова читайте на сайте «Русская idea» (www.politconservatism.ru)